

■ Рассказы:

Зинаида Сарсадских

ПРЕВОСХОДНЫЙ ЭФФЕКТ

Я съела на ночь йогурт "Активия" и сразу почувствовала превосходный эффект - оказалась во сне за рулём машины, везущей цветы, едущей по чудесному парку. Подъехала к светлому зданию, остановилась, выгрузила кусты шиповника возле большого дерева. Зашла в дом - там было людно, но не слишком.

- Добрый день! Хорошо, что вы приехали, - молодой человек в очках с толстой чёрной оправой, с тёмными вьющимися волосами, с проседью, - кого-то мне очень напоминал.

- Мирча, - сказал он, протягивая руку.

- Элла, - ответила я, и дотронулась до его руки.

По коридору шло что-то очень светлое, очень белокожее, белокурое, с алмазным лоском, переходящим в нежно-розовые шнурочки. Это существо в представлении не нуждалось - она первая начала выступать в блестящих и неблестящих лифчиках на мировой поп-сцене и стала очень гимнастически развитой мегазвёздной женщиной. Она наклонила лицо, нацеливаясь в мою сторону скорее жемчужным лбом, чем глазами, положила руку на топлёный жилет Мирчи, а он поцеловал её в ушко. Она поёжилась, но тут золотистую голову перевесило другое - нецелованное ухо, и дива заскользила дальше, кивая этому уху, что-то негромко говоря, и освещая белокурым светом свой путь.

Я вспомнила Мирчу, я вспомнила, что в 14, в 15 и в 16 лет я всё время видела его во сне, а может, и потом, может, он каждый год снится два-три раза, ну, хотя бы один.

Всё началось с того, что мы уселись на одном шкафу - старом жёлтом - на дверцах древесные полосы. В комнату заглядывало солнце, но там, снаружи, были деревья, в комнате в воздухе летало всё

то же, что и на улице, и солнечные лучи то пробегали, то уходили с чьими-то тенями. Мы просто сидели рядом на шкафу. А! Тогда он ещё не носил очки, и чуть-чуть прищуривал глаза, чтобы лучше видеть, волосы были короче, и, конечно, не седые.

Мы ничего не говорили, нам и так было хорошо. Потом мы разводили руки, и, соскальзывая со шкафа, ложились животом на воздух и выплывали в окно.

В другой раз мы шли по траве возле железной дороги, а по ней ехали пустые низкие платформы. Мы забрались на них, а вокруг всё было из красного золота, был закат. Мы смотрели на светящиеся ивы, сияющее поле, апельсиновые и алые дома, и всё это смотрело на нас. И солнце смотрело на нас и не могло насмотреться.

Как я его звала во сне? Наверное, мы просто говорили друг другу: "ты".

- Почему у тебя ресницы длиннее моих?

- Это - новые. Мне делали операцию на глазах, ресницы состригали и брови сбривали.

Мы шли мимо садов на какую-то улицу, начинались дворы, дома.

- Это моя мама.

И мы проходили по двору мимо женщины с тёмными волнистыми волосами, уложенными в причёску, с ярким лицом, - где такие встречаются? В Мексике? В Индии? В Среднем Поволжье и Прикамье? На Кубе?

- Это мой папа.

Возле машины стоял мужчина с аристократическими чертами лица, с прищуренными синими глазами за стёклами очков.

- Это мои братья.

Два подростка возле палисадника - один - темнее, другой - светлее, а у Мирчи при тёмной масти - серо-синие меняющиеся глаза.

- А у меня нет братьев, и сестёр - нет, а папа у меня так далеко, где-то в другом мире.

- Может быть, это не так плохо?

В другом дворе - моя мама. С серо-зелёными глазами. Такая красивая! Но не спокойная, а тревожная.

- Где ты, Галуся, я тебя потеряла.

Тихий воздух забирает часть её голоса.

- Дочь, ты забыла, что тебе надо дальше учиться? О чём ты думаешь? О нас с бабушкой ты забыла?

Я трогаю Мирчину футболку - из чернильных и красных полосок. Он идёт к себе во двор, я - к своему дому.

Значит, в том сне меня звали так.

А тут мы пьём кофе с молоком, сидя на высоких банкетках, удерживая толстые чашки в руках. Входит хозяйка и даёт мне деньги за отличный цветущий шиповник - она именно такой искала, привезённый, даже лучше, чем она представляла.

- Я рада! Любуйтесь на здоровье или, если хотите, варите варенье!

Тут началось движение - большие коробки, вещи, мебель стали выносить из дома, тренажёры, упаковки. Хозяйка кратенько сказала спокойному негимнастическому человеку, что его покидает, целует, обожает и, наверное, скоро вернётся.

Мне вдруг стало грустно, я догнала её у дверей и сказала:

- Луиса! Вы не представляете себе, как я вас люблю! Я с детства ваши песни слушаю и люблю!

Она оглянулась.

- Спасибо. Пока.

У Мирчи в доме стало так тихо-тихо. Он попросил меня погостить пока у него.

- Хорошо, погощу, если хочешь. Я пойду, поищу тут магазин.

- Здравствуйте! Мне нужно заколку для волос.

Девушка даёт мне блестящую, в сиреневых стразах вещь.

- Но это для светлых волос!

Заглядываю в зеркало и вижу там чьи-то белые волосы. Прикладываю заколку - это моя рука, закалываю белый пучок.

- Девочки, дорогие! Я такая пришла? Я была не белая! Мамочки! Что это такое произошло?!!

Прибегаю домой к Мирче.

- Ужас!!! Мирча! Я белая!

- А ты ничего не делала?

- Нет! Посмотрела в зеркало, а там - эта фигня!

- Чудеса! Кхм, ну, покрасишься обратно, или свои отрастут постепенно. Успокойся, попей молока.

- У меня были свои тёмные волосы, а теперь - мучиться, красить? Как мне это понимать - что со мной делается?

- Не плачь, что-нибудь придумаем. Молоко, пирожок - ешь, давай. Вот слёзы у блондинок и брюнеток одного цвета. Сейчас мы их вытрем, Эйрочка, добрая девочка, я тебя люблю.

- Да? И я тебя очень люблю, Мирча, Мирче, Мир чей?

- Того, кто поцелует сейчас твои плечи.

- Ух ты, как интересно!

Потом я замечаю, что стала совсем голая. Подумала - хорошо ли это? Но видимо, это было несложным для меня - быть голой. Вдруг захотелось, чтобы Мирча ещё вот также целовал и снимал с меня одежду, но, например, завтра.

- Мирча, милый, а давай, сейчас пока не будем?

- Почему?

- Я забыла, у меня месячные.

- Что за такие месячные, которых вовсе нет?

- А они от нервного стресса прекратились.

- Вот и хорошо.

- Мир, я почему-то боюсь.

Я увидела нас со стороны, я была за стеклянной дверью. Испугалась быть там - всё, свободна, бью руками по стеклу - ни открыть, ни разбить.

- Нет! Пустите меня, как же без меня?! Я же тебя с четырнадцати лет люблю! Я буду в себе! Я буду с тобой!

А за стеклом приближение длится и не длится невыносимо и бесконечно.

Выхожу на улицу своего проснувшегося города и вижу человека по имени Майк. Он появился из машины вместе с парой парней. Майк остановился, а парни исчезли в дверях здания.

- Привет!

- Привет!

- Как дела?

- Хорошо, а у тебя?

- Отлично.

Чем он занимается - наш добрый Майк? То ли развлекает бандитов, то ли решает их бумажные дела? Или просто дружит. Бандитам ведь тоже надо, чтобы с ними дружили. Они добывают себе деньги, а на них - разные счастливые ощущения. Которые надо переживать вместе, смотря футбол и поедая что-нибудь - мясо, например, или не мясо.

- Майк! Отдавай-ка мне тот журнал, а то я поеду в Союз Писателей вступить.

- Круто. В разных анкетах будешь писать: специальность - писатель?

- Да. У меня ещё трудовая книжка есть. Напишут такую профессию, и буду я спокойно рисовать, собирать мозаику и камни гравировать, всё, что угодно.

- Очень правильно. А я по профессии теперь - директор, - он даёт свою визитку, там значится: директор рекламно-издательской компании. - Знакомых писателей как раз не хватает. - Смеётся и смотрит сквозь стёкла очков.

Я улыбаюсь.

- Ты идёшь в ту сторону, Майк? Пойдём до улицы 20 лет Победы, всё равно пешком редко ходишь.

И мало что напоминает сон. Достаточно грязно и довольно ветрено.

- А тебе?

© Зинаида Сарсадских, 2008-2010.

© Сетевая Словесность, 2009-2010.

Страница открывалась с 21.01.09 575 раз